

Мой час

Люку, Маше и всем

Недавно я была в месте и во времени, в котором у каждого был the hour of truth, а у меня так получилось, что не было. Поэтому я написала этот текст. Благодарю.

Я невольно сразу спросила себя, что бы делала в свой час я? Вернее не так: я ответила себе прежде, чем я спросила. Я бы делала про то, как я думаю телом про заключенных в карцере.

Это вытекает из самой идеи времени, идеи заполнить время, идеи освоить время. Кстати, по-польски время - [chas]; и по-украински. И по-русски час - [chas]. Wondering.

Быть этот час. Быть это. I would *be* this, exactly this. Иосиф говорил "тюрьма - это недостаток пространства, компенсированный избытком времени". Иосиф недолго, но сидел в тюрьме. Александр, Маша, извините, много фактов из этого текста будут вам слишком хорошо известны. Так вот. Вот я бы и попыталась разглядеть и почувствовать этот избыток и этот недостаток. Избыть его.

Знаете, этот текст написан как текст для иностранцев. Но это и неправда тоже, потому что он написан для вас. Это навредит мне, но я хочу, чтобы вы прочитали его. Но особым образом. Знаете, есть такой эффект (есть такой эффект?) когда посылаешь новый текст кому-то, кто для тебя важен, тебе сразу же немедленно хочется этот текст перечитать глазами этого человека. Есть такой эффект? Так вот. Если вы из России, пожалуйста, прочитайте этот текст глазами вашего знакомого, красивого, свободного, талантливоего, говорящего на разных языках прекрасного европейца. Любого из них. Хорошо? Это был небольшой дисклеймер. Но я думаю, что практика чтения в идеале именно такова. Вы воспринимаете этот текст, приняв роль знакомого европейца, я раздеваюсь перед вами, надеюсь, в последний раз.

Про карцер. Карцер - это, прежде всего, форма наказания слишком свободных заключенных. Туда можно попасть, например, за то, что не застегнута пуговица или не расправлена подушка или за то, что передел футболку в неположенное время... То есть это чистая форма давления. Заключенный выходит из карцера, и к нему придираются за что-то новое и опять отправляют в карцер. На 15 суток. Холод, холод, холод, (летом жара), одиночество, смрад. Полчища комаров и крысы вылезают из дыр за унитазом. Алексей провел в карцере за последние два года жизни более 300 дней.

Страшно ли мне? Конечно, очень страшно. Что это будет недопустимо, дурновкусно, гадко, что будет выглядеть как спекуляция на болезненной теме, что я в резиденции с трехразовой едой как в ресторане и в раю практически... Но именно потому что мне

жутко страшно, я хочу в это зайти. Нет, не волнуйтесь, я конечно, не буду "играть", что я там, в карцере. Я буду здесь. Вот я здесь, перед вами, here I am. Я бы выбрала очень красивую комнату. Но с хорошей акустикой, потому что, как вы знаете, у меня ужасный акцент и проблемы с дикцией.

Here I am: я: в красивой комнате, в красивом здании, в красивой местности, в красивой стране, на красивой планете, в красивом космосе.

И я бы начала с того, что рассказала бы вам примерно это. Что уже больше 10 лет я очень часто-часто и очень навязчиво, представляю, каково быть в тюрьме. Телом, представляю телом. Я попозже объясню подробнее, как это. Я просто хочу побыть с вами этот час, хорошо? Я хочу прожить это чувство страха тюрьмы, моделирования тюрьмы, эмпатии к тем, кто там сейчас, или кто там был в прошлом или будет в будущем - прожить не в голове, а вот здесь и сейчас, в своем теле, при вас. С вами. Это я бы тоже сказала вам вслух, словами. Экспозиция. Да.

Here I am: я: в красивой комнате, в красивом здании, в красивой местности, в красивой стране, на красивой планете, в красивом космосе. Но: это не про чувство вины. Вы можете быть абсолютно уверены, что это не про чувство вины. Это не то, что я хочу с вами разделить. Я знаю, что внутри каждого из вас тоже больно, я просто показываю вам свою боль, как вы показывали [бы] мне свою. На моем месте в моем огороженном веревкой пространстве, в вашем огороженном веревкой пространстве. На вашем месте. В красивом космосе.

Может быть, не надо всего этого говорить. Может быть, я делаю неправильно. Но... это позволение быть... Это позволение быть - это так много. Я возьму его, Люк, я воспользуюсь им.

Так вот. Я стою перед вами и говорю, про что это сейчас будет (мой час уже начался, он идет он занял полторы страницы текста, то есть где-то минут пять-семь прошло; мне надо торопиться, нет торопиться некуда, nowhere to rush). Так вот. Надо сначала организовать место. Я сделаю это при вас. Как и было сказано, я какой-нибудь веревкой отмеряю и отмечу посреди комнаты площадь карцера. Сделаю *недостаток пространства*. Пока я буду делать это, я перескажу кусочек из недавнего письма на волю Ильи. Просто описание. "Карцер - это каменный мешок два на три метра. В одном углу расположен стальной унитаз, в другом — раковина с холодной и ржавой водой. Из-за прогнившей канализации в воздухе круглосуточно стоит смрадный запах испражнений".

Here I am: я. Я отмерила два метра на три. Это, смотрите, чтоб лучше представить, по длине как bathroom в наших номерах, а по ширине в полтора раза шире. В принципе место есть. "В пять утра железная койка закрепляется на стене, и в течение дня до отбоя арестантам запрещено прилечь. Можно лишь присесть на крошечный табурет или бесконечно ходить по тесной камере: два шага туда, два шага обратно". Я решила не обозначать никак мебель и прочее. Единственное - я возьму жестяной таз и поставлю его на паркет начала XIX века на место унитаза в карцере. И ещё - вы знаете, я хорошо подготовлюсь, рассчитаю всё и положу в этот таз большой кусок льда, который

будет таять час. (Всё-таки в русской грамматике не достаёт времен, ну, вы понимаете.) Это будет мой таймер.

Простите, простите, простите, друзья. Со словами, на самом деле, настолько проще, чем с реальностью. Не настолько.

В общем-то это всё. Экспозиция. Отняло 8-9 минут, но мне это было нужно. Именно в этой вещи мне важно, чтобы мы с вами изначально знали, про что это. Дальше - я бы провела этот час так, как в камере. То есть, скорей всего, я буду всё время молчать. Это был бы ритуал сопричастности. Я бы думала о них? О тех, кого мучают там прямо сейчас? Как я часто, слишком часто думаю, никому этим не помогая? Нет, это не то. Нет, я провела бы это время (и всё время репетиций, всё время проб) наедине с собой. Вот что. Так же, как они там наедине с собой.

Наедине с собой в карцере. Вот в этом-то и есть вся штука. Наедине с собой в красивой комнате при вас. То есть по сути я гоняла бы в голове те же мысли, те же мысли, что всегда. Те же мысли, что я гоняла бы в голове, будь я в карцере. Я так плоха в останавливании этих голосов в голове, Люк. Я просто ноль в этом. Час - внутренний монолог.

Физически - физически я, возможно, час делала бы йогу. Уже 50 минут. Или что-то другое, что захочется ("захочется"). Бесконечность возможностей, когда у тебя 2 на 3 метра, прикрученная к стене кровать и 15 суток времени.

Я начала заниматься йогой от страха тюрьмы. Это было в 2016-м. Как рождается страх тюрьмы, когда ты живешь в России? Сначала ты читаешь про то, как замучили в тюрьмах людей, которых ты любишь, твоих любимых людей. Как били по пяткам резиновым жгутом Всеволода. Ему было тогда 66 лет. И потом они утопили его тело, тело Всеволода в нечистотах. Тело великого режиссера, великого новатора, у которого был свой метод, свой театр и актриса-жена. Ее они тоже убили. Как Осип сгинул где-то на этапе в снегах и у него не осталось могилы. Как у Варлама из под головы в лагере крали хлеб. Как Александр умер в тюремном поезде от дизентерии. Как Даниил умер в тюремной больнице от голода. Азбучные истины. Как Анна...

They should have shown you—mocked,
delight of your friends, hearts' thief,
naughtiest girl of Pushkin's town—
this picture of your fated years,
as under the glowering wall you stand,
shabby, three hundredth in the line,
clutching a parcel in your hand,
and the New Year's ice scorched by your tears.

I wouldn't translate it that way, but still.

Потом в твоей стране принимают новый закон и ты понимаешь, что то, что твои персонажи произносят со сцены, может привести тебя в тюрьму. Не обязательно. Статья в уголовном кодексе о "дискредитации власти". Преступление средней тяжести. Скорей всего всё пройдет хорошо, скорей всего тебя не тронут, не заметят. Сейчас не 1937 год. "Сейчас не 1937 год" - одно из частых выражений, которые ты мог услышать с 2012 по 2024 год среди людей, которые осмеливаются что-то делать наперекор власти в России (или думать). В смысле не год пика сталинских репрессий. Потом у Дарьи проходит обыск. Потом в фейсбуке в ленте появляется совет иметь под кроватью тазик с соленой водой, куда в случае обыска, пока тебе взламывают дверь, стоит погрузить гаджеты. Чтобы гаджеты испортились, чтобы информацию было невозможно прочитать. (После обыска изъятые гаджеты всё равно не возвращают никому никогда). Я не уверена, что это классная идея, но всё-таки ставлю под кровать тазик с соленой водой.

Вдох - выдох уджайи.

У меня не было в ноутбуке и телефоне ничего такого запрещенного. Я просто не хотела, чтоб моя любовная переписка попала к ним в руки в случае обыска. Ее, кстати, больше нет. Я её удалила, в такси, когда ехала в аэропорт (в эмиграцию) - перед границей. На границе могли забрать телефон. Из-за этого даже с Петербургом толком не успела попрощаться, пока ехала в такси, пока удаляла переписку - ну и нахуй его.

Так вот, занимаясь йогой с 2016 года, я старалась уделять внимание таким асанам, которые удобно делать стоя. На случай тюрьмы. Потому что в камере зловонный заплыванный, загаженный крысами пол. Нет, я не попаду в тюрьму. Но на всякий случай. Au cas où.

Мне часто снится, что я оказываюсь в России, и это ужасный кошмар. Во сне я говорю себе: ты же сказала себе, что не вернешься никогда. Как же случилось, что ты сюда попала? И как выбраться? Ведь они арестуют на границе. Новый закон за дискредитацию армии - до 15 лет. И много еще других законов. Нет выхода. Ты в тюрьме.

Я закончила эту пьесу 31 июля. 1 августа случился обмен. 16 политзаключенных оказались на свободе. Я не буду ничего менять в тексте, во-первых, из-за украденных у них месяцев и лет. Во-вторых, из-за тех, кто остался там, конечно. Только этот абзац добавлю и всё.

Иногда по российскому телевидению говорят, что таких как я, предателей, сбежавших за границу, надо убить. Но они там еще говорят, что на Париж и Лондон надо бросить бомбу. Так что не обращайтесь внимания.

Это не про виктимизацию. У Иосифа есть эта фраза "не приписывать себе статус жертвы". В английском есть глагол victimize, в русском нет. Поэтому нужна целая фраза.

А Антон писал в одном письме писал, как рожденный в России: "Надо по капле выдавливать из себя раба". Надо по капле выдавливать из себя раба - вот что. "Надо по капле выдавливать из себя раба". Один немец однажды сказал мне, услышав, что я родом из Ростова-на-Дону (города, где позже танк застрял в воротах цирка): "О, это же в окрестностях Таганрога, его города". Это очень впечатляющее знание географии. По капле выдавливать из себя раба, по капле выдавливать из себя раба. Я стараюсь делать это каждый день, но мне кажется, что по ночам приходит какая-то ебаная Пенелопа. Помните, как она распускала покрывало по ночам? И вливает в меня в два раза больше раба, чем за день удалось отжать. Вливает или "вдавливает"?

Так вот йога. Этот странный путь получать освобождение и удовольствие через тело. Разрешенный путь. Это можно даже в тюрьме. Это что-то такое, что у тебя вроде как не отнимут. То есть пока тебя не избыют до смерти и пока у тебя есть хотя бы 30 минут разрешенного времени в день, ты можешь её делать. И тебе полегчает на весь остальной день. И это то, что им неподвластно. Твое наслаждение своим телом - хуй им. Иногда после йоги ты тебе просто хорошо и всё. Просто хорошо и хуй им, опять-таки. Это как будто твой тайный побег из тюрьмы им на зло.

А в карцере времени вообще море. Я поднимаю руки со вдохом и опускаю с выдохом.

Эта идея побега захватила меня. И из страха тюрьмы я стала, не ленясь, заниматься йогой. Чтобы быть готовой, если что, заниматься йогой и там, не ленясь. Чтобы уметь заниматься йогой к тому моменту, когда окажусь там. Если я когда-нибудь там окажусь. Чтобы тело и ум были готовы.

И поэтому когда Илья пишет: "Книгу и бумагу с ручкой выдают лишь на полтора часа, в остальное время читать и писать запрещено. Можно лишь смотреть в стену", - я гадаю, знает ли он йогу? Знает ли он, что он может контрабандой себе в камеру внести немного облегчения. Немного свободы. Просто, например, постояв в позе воина.

И я делаю позу воина.

Я делаю позу воина хорошо. Я слежу, чтобы бедра были выровнены. Я тяну внешний край задней стопы, как учила Ольга. Я тяну "мячик под большим пальцем" передней стопы, как учила Ольга. Ольга, я всё делаю правильно. Ольга-Ольга. Вы не знаете Ольгу. Ольга - гениальный учитель, она просто избрана, чтоб преподавать. Она когда-то училась в той же театральной академии, что мы с Машей. Ольге йога когда-то спасла жизнь и потом она, судя по всему, дала много обетов и посвятила себя полностью преподаванию. Помню, во время ковида на последнем занятии перед тем, как зал закрывали, я стояла в собаке мордой вниз и плакала, от того, что вот только-только я нашла вещь, которая мне помогает, и теперь остаюсь без нее неизвестно насколько. Я плакала, и слёзы текли у меня по лбу. Это было vraiment ridiculous. И остались такие следы от туши. Ольга-Ольга.

....Я надеюсь, что она не за войну...

Пауза. Я тяну внешний край задней стопы. Я тяну "мячик под большим пальцем" передней стопы. Ольга-Ольга.

....Я надеюсь, что ты не за войну...

В смысле не за победу России над укрофашистами.

Это теперь обязательная присказка. Я надеюсь, что he or she не за войну. Это само всплывает в голове, когда в голове всплывает чей-то образ. Образ кого-то, кто остался там и про кого ты не знаешь точно. Что они нет. Или что они да.

У меня есть пьеса "Анна Франк", пьеса для подростков. И вот однажды один приятель из детства попросил разрешения поставить ее в его любительской театральной студии. Я, естественно, дала разрешение, не вдаваясь в подробности и, естественно, тут же об этом забыла, и потом, наверно, через полгода он прислал мне видео отрывков спектакля. Я вообще не поняла сначала, что это за текст, что это за дети говорят на фоне очень помятого занавеса, делая настолько дикие движения. И потом я поняла, что это мой текст. И потом что-то ужалило меня ещё сильнее. И я зашла на страницу этого Леши. И на странице у него было всё-всё-всё-всё-всё в букве Z. То есть он ультрапатриот, как это называется. Он нашел смысл своей жизни в том, чтобы ненавидеть украинцев и желать им смерти. И тогда меня ужалило уже совсем. До меня дошло как в замедленной съемке, что этот Леша поставил мою пьесу про Анну Франк с детьми 8-11 лет про то, что в Украине укрофашисты, но мы их обязательно всех победим и убьем. Мы будем как наши деды.

Я стою перед вами и молчу. Я дышу.

Я хожу перед вами в огороженном веревкой пространстве 2 метра на 3 метра.

Мне стремно. Мне кажется, что я вас грузю. Что это эгоцентрическое высказывание. Что оно скучное, что оно несильное - вот это вот всё. Нет, даже дело не в этом. Всегда этот вопрос: если я не выношу себя сама, почему вы должны выносить меня? Me being always so embarrassed and embarrassing. Почему? Почему? Камила, почему? Dlaczego? Какого хуя у меня вообще есть эта потребность показывать вам себя? Свои струпья.

Час наедине с собой это pizdets.

Господи, имеет ли значение хоть что-то, когда моя страна делает то, что делает моя страна. Я не знаю, как называется эта асана, я раздвигаю ноги, берусь руками за лодыжки и тянусь головой в пол. После этой асаны в тазобедренных суставах бывает приятная лёгкость, поэтому я постараюсь подольше. Я стою и думаю о том, что "ставить на растяжку" - это еще одна пытка, которую применяют в российских тюрьмах. Они раздевают людей и ставят на много часов с расставленными ногами. Это еще одна из причин, по которым я решила, что йога может помочь в тюрьме.

Всё это далеко не самое страшное, далеко не самое страшное, далеко не самое страшное. Вы знаете, что в российских тюрьмах.... Вы знаете, что в российских тюрьмах содержится около 10 тысяч украинских пленных. Около 10 тысяч людей содержатся в пыточных условиях.

Число неточное. 10 тысяч человек, блядь. Под пытками. 10 тысяч, среди которых защитники Украины и гражданские. Иногда их меняют на российских пленных. И вы можете видеть на видео, как люди, которые похожи на узников Освенцима, завернутые в украинские флаги, которые им дали на границе, целуют землю Украины. А тела... несколько дней назад появилась новость, что тела, которые возвращают в ходе обмена, возвращают без органов. Из России, из Мордора приходят в Украину тела, в которых не хватает органов, понимаете? Привет, доктор Йозеф из Освенцима. Это не жертвы боевых действий. Это люди, которых запытали в тюрьме и продали их органы на черном рынке в России. Привет, Женевская конвенция.

Я не знаю, почему я осмеливаюсь спрашивать у вас, знаете ли вы. Вы здесь ни при чем, или почти. Вы же не голосовали напрямую за снижение в Европе военных расходов, которое позволило путину чувствовать себя прекрасно в новом мире. В новом мире, которому нечем себя от путина и других злодеев защитить. Где все снижают военные расходы, закрывают военные заводы в Европе, покупают его дешевый газ, и он один может делать что хочет, что хочет.

Они опорожняют тюрьмы. "Опорожняют" - это такой глагол, удобный, когда речь идет о кишечнике после клизмы. Они опорожняют тюрьмы. Прельщают и вынуждают заключенных подписывать договоры и идти убивать в Украину. Тот, кто выживает там, по истечении 6 месяцев контракта возвращается свободным. Знаете, сколько в России новостей в стиле вернулся с войны трижды судимый убил топором пенсионерку / беременную / ребенка сожительницы / двоих детей.... Знаете, сколько в маленьких деревнях возвращается таких людей? Он, например, изнасиловал, убил и расчленил чью-то дочь, отсидел, например, год, потом 6 месяцев отслужили в Украине и

потом вернулся, и на школу, где он учился, на единственную школу в этой деревне, повесили табличку с его именем. Потому что он "герой". И "герой", расчленивший вашу дочь, ходит по вашей улице в вашей деревне. А потом убивает, напившись, какую-то пенсионерку или какую-то дочку сожительницы или какую-то девочку за гаражами. Опять, опять, опять.

Нет, не надо об этом думать. Надо думать об украинских пленных. Я очень много думаю об украинских пленных. О более чем 10 тысячах человек.....

В опорожненные тюрьмы они сажают украинских пленных.

Here I am: я. Я крепко держу руками лодыжки. Возможно, слезы текут по лбу, не оставляя следов.

Как я могу думать, что это может иметь значение? Мой ужасный акцент, мой плохой французский, мой плохой английский, моя дикция, мое пограничное расстройство, моя растяжка, моя бездомность, мои ебанные сомнения, стоит или не стоит показывать вам себя, всё это вот, всё этот вот, всё это вот, когда моя страна делает то, что делает моя страна?

Куда я вообще лезу со своими "травмами"? Со своим часом? Со своей "правдой"?

Но приколом в том, что ответ всегда есть. И мы все его знаем. Ответ на поверхности. Если это талантливо, значит, это есть dla czego меня выносить. Если обнажиться по настоящему талантливо, произойдет это чудо. Чудо! Вы узнаете в моей наготе свою наготу. Даже если я калека, а вас Пракситель изваял. Чудо настоящего театра. Я хочу чуда. Я хочу узнавания. Я хочу разрешения быть.

Значит, я хочу доказать вам, что я могу что-то сделать талантливо? Боже, как это мелко. Но нет. Нет. Я могу утешить себя, что я не могу молчать. Я не смогла, не смогла, просто не сумела не выйти к вам, не быть голой перед вами, не быть голой перед вами своими мозгом. Значит, так pro prostu надо и всё.

А я смотрю на вас, и мне правда кажется, что вас изваял Пракситель. Это хорошо, это очень хорошо! Таким и должен быть мир, мир и должен быть стать таким, чтоб в нем жили свободные, образованные люди, которые так прекрасно разговаривают на нескольких языках, так прекрасно двигаются, так прекрасно поют. Которые сделаны не из такого дерьма, из какого сделана я.

И я люблюсь вами.

Я люблюсь тем, как вы умеете быть собой и как умеете видеть Другого.

Я люблю вас.

Вот Рольф говорит, что у него нет проблем. Вы знаете Рольфа? Шучу. Шутка. Шуткам должно быть отведено место в перформансе, даже самом невеселом. Правда же, Дэвис? Извини, что мои несмешны.

You are so good in seeing Other. Thank you. Other - including me. Seeing and accepting. Sometimes I think that you are accepting me only because your incredible generosity and

not because I deserve it. Sometimes I can suppress these shitty thoughts. Мне многому надо научиться. Я очень многому безуспешно учусь.

Конечно, Рольф это сказал, чтобы задать конфликт. Но Майк на репетиции ответил ему, что он может relate to it. Что у их общего поколения европейцев нет проблем. Конечно, Майк это сказал, чтоб поддержать конфликт Рольфа....

...А я, мне кажется, состою из проблем. То есть, реально, я реально не знаю, чем бы я была, если бы у меня не было этих всех травм, которые я ненавижу. Чем-то классным? Или чем-то пустым? Может быть, было бы больше места, чтобы заполнить его чем-то хорошим?

Но вот о чем я забыла предупредить. Я поставила себе условие не повторять ничего того, о чем я писала в других пьесах.

Я делаю ту или иную асану и даже как Ольга учила, но у меня не выходит остановить мыслительный поток в голове. Лезет вот это всё. Это странное чувство, что то, что тебе казалось историей, чем-то книжным, важным, но существующем в параллельном мире - реальность. Может продолжиться и повториться. Например, эмиграция. Например, репрессии. Это как вот вчера Александр мне рассказал, что через вот тот лес ведет старая дорога в Виттенберг. Виттенберг, Виттенберг, где Вольфганг задумал Фауста, Виттенберг, где учился Гамлет... Виттенберг, который я представляю из книг. И ты вдруг находишь себя на той же тропе, про которую ты читал в книгах. Например, на дороге из Константинополя (Istambul) в Париж.

Чёрт, об этом я уж точно писала в других пьесах. В каком-то смысле это я пишу объедки здесь. Leftovers того, что уже написано. Несказанное. Недосказанное. Самое важное(?) Самое тайное(?). Или нет. Просто невысказанное. Кстати, об объедках. Мы можем немного поговорить про тюремную еду? Я и раньше это знала, но вот Илья пишет об этом очень ясно. О том, как специально невыносима в карцере еда. "Тяжелая каша, плавающие в жире макароны или грязная картошка с неочищенной рыбой — вот типичный рацион в карцере. Кушать что-то дополнительно ты, в отличие от других заключённых, не можешь. Овощи, яблоки, даже конфетка к чаю — всё под запретом".

Я вообще много занималась этой темой. Темой тюрьмы. Поэтому осталось мало невысказанного. Я высказала и то, что сердце России тюрьма, и то, что сердце России тюрьма, и то, что сердце России тюрьма...

Но вот о чем я не писала ни в одной пьесе. Так это о побеге из тюрьмы. Мало у кого есть такой опыт. У меня почти есть. У меня есть много интересного опыта, правда. Правда. Но почти обо всем я где-то рассказала. Не удивительно, я пишу пьесы 12 лет. Нет, не только о себе, конечно. Но pretty much и о себе. Потому что ты сам - самый лучший объект для опытов. Над тобой самими. Опыт изнасилования - пьеса "Мама". Опыт трех самоубийств трех друзей (кстати, все трое были старостами на своих курсах) - описано в пьесе "Ад это я" и в некрологе в "Петербургском театральном журнале". Опыт, когда отец ушел из семьи, когда меня было пять к маминой кухне и ска-

зал маме "Я не могу между вами разорваться". Описано только что. Знаете, что я почувствовала тогда (когда мама мне зачем-то об этом рассказала)? Что меня нет. Что меня нет. Потому что разрывался он между ними, между двумя кузинами. А меня не было. Потом, спустя 18 лет он её убил. Свою вторую жену. Мой папа. Кузину моей мамы, мать моего брата. Описано в пьесе "Дания тюрьма". Опыт восьми лет его заключения и ни одной секунды его раскаяния. Прожито. Опыт выбрасывания из рюкзака на пол одних вещей и забрасывание в рюкзак других вещей из шкафа - сбор в эмиграцию за полчаса. Нет смысла описывать. Лакуна. Лакуна. Лакуна. Всё то, что описано в пьесе "Crime"... Мне по-настоящему стыдно говорить о чём-то кроме. Кроме того, что делает моя страна. Я говорю, и мне стыдно. Замкнутый круг говорения и стыда.

Here I am. Я не приписываю себе статус жертвы. Я офигеваю от того, какая длинная и насыщенная жизнь. Это всё как будто дает мне право быть художником. Хотя это неправда. Право мне дает то, что у меня есть отношения с языком. С одним проклятым языком, одним из более чем двух с половиной тысяч языков, которые есть на этой планете.

Иосиф писал "поэт - есть инструмент языка". У меня, кстати, на загривке татуировка с Иосифом (с его автопортретом в образе кентавра, который курит и везет по русской деревне русскую поэзию). Я показывала ее Вере, кажется, еще Тед рядом проходил. Могу вам показать тоже. Вот она. Хотя... это же пьеса. Может быть, ее будет "играть" другой перформер, у которого нет татуировки с Иосифом в образе кентавра. Может, я приглашу прочитать это вам Катарину, а может быть, Якоба. Элениту или Лин. Может быть, Машу?? В общем, это *ad libitum*. Вы можете, читая это, представить себя на сцене, *performing this text*? Так вот. Про эту татуировку. Перед тем, как сделать ее, я услышала от Сони мысль, что набивать нужно что-то такое, что всегда будешь любить. В любви к чему абсолютно уверен. И я подумала: "Ну, конечно же, это Иосиф, который в образе кентавра курит и везет по русской деревне русскую поэзию"! .....А теперь я не знаю, что я люблю. Нет, иначе. Теперь во мне так много умерло... Теперь я уже недостаточно я, чтобы что-то любить, настолько любить. Чтобы в любви к чему-то быть настолько уверенной.

Украину?

...Теперь у меня есть еще одна татуировка с плачущим глазом - чуть выше виска, вот здесь. И мне нравится, что сквозь нее прорастают волосы, как сквозь меня будет прорасти трава. Там в центре глаза церковь на Андреевском спуске в Киеве. Это было граффити такое - с этим глазом и с этой церковью в начале войны где-то на гараже в Великобритании. Привет, Майк. Привет, Зое. Я видела фото этого граффити в интернете и набила себе на черепе такой глаз. Еще я рассказывала Вере, как Иосифа арестовали и судили и посадили в тюрьму за то, что он не имел официальной работы... и думала о том, насколько это невозможно объяснить - даже если б у меня был хороший английский. Насколько это невозможно объяснить... Я уже не говорю про Женю и Свету. Я не говорю. Я не говорю. Я не говорю.

А Владимир писал, что, отказываясь от русского языка, он отказывался не от языка Александра Сергеевича и Федора, он отказывался от своего языка. И это было гораздо больней. Возьму паузу. Я не знаю, понятно ли это. Я думаю, это может быть понятно. Это, Стефани, знаешь, как если танцора всего закатать в гипс. Полностью. Ай, как же я вас всех люблю, как я буду скучать по вам.

И вот танцор лежит в этом гипсе и говорит себе: "Танцуй! Танцуй или умри". Господи, насколько же умереть проще. Нет, правда, знаете, как часто про какого-то значимого, про кого-то дорогого ушедшего френдленте люди пишут: "Слава богу, что he or she умер до 24 февраля!" (день начала полномасштабного вторжения России в Украину.) "Слава богу, что он не дожил до этого". Юрий Михайлович... Галина Владимировна...

Ну, так вот. Что я хотела рассказать. Про побег из тюрьмы. Чтобы рассказать про побег из тюрьмы мне нужно чуть-чуть рассказать о папе. Но, Барбара, это не такой kind of папа, как у тебя. Это такой kind of папа, который говорит: "мне не нравится, все, что ты делаешь с 14 лет". Это такой kind of папа, который говорит: "любой нормальный мужчина хочет fuck every fuckable woman; otherwise он импотент", говорит своей тринадцатилетней дочери. Это такой kind of папа, который кончает тем, что убивает свою жену. Наносит ей 28 ножевых ранений. Это такой kind of папа, который хочет приехать в Берлин на танке. Он так и говорит. Он правда так и говорит. Это такое пространенное русское выражение.

A kind of kind of kind of kind of kind of kind of kind of kind of *that* kind of dad.

That's why when I see a man who is brilliant in fatherhood I immediately felling in love.

Sorry Ted.

Один раз за мной kind of ухаживал один мужчина, а я хотела стать его сыном. Потому что он общался с сыном так, что... господи, стыдно, но я действительно завидовала его сыну. А вы не завидовали б девятилетнему мальчику, с которым папа слушает в машине "Божественную комедию" по дороге на озеро, где они проведут и с моей помощью регистрируют задуманный мальчиком ритуал сожжения в ночной воде килограмма тополиного пуха?

А еще за мной kind of ухаживает один мужчина, который присылает мне голосовые сообщения. Он ни разу не спросил у меня, comment vas tu again? но в аудиосообщениях он читает русские стихи на русском, хотя не знает русского. It's kind of cute, знаете. Недавно он ездил по местам Марины во Франции. Интересно, знает ли он, что Марина в этих местах едва ли не умирала от голода. И пыталась найти хоть какую-то работу... И умирала так же и от тоски. Хотя она, конечно, прекрасно знала французский. И потом она вернулась в Россию, и это была огромная ошибка. Я не видела этих французских Марининых мест. Но я видела Елабугский гвоздь. Елабугский гвоздь - это вот такой огромный гвоздь, на котором она повесилась в русском (татарском) городе Елабуга, in the middle of nowhere, где она была в эвакуации. И сын этим утром пошел на обязательные работы утром, дочка была уже в тюрьме, а она повесилась на этом гвозде. Могила утеряна. Только знак: в районе кладбища похоронена... И предсмертная записка "Это уже не я". Это уже не я. Для меня это самые страшные слова, которые можно придумать. И самые truthful. Это уже не я. Они меня всегда страшно завораживали. И мне было всегда страшно пропустить этот момент. Когда ты - всё - уже не ты. Когда они замучили тебя до такой степени, когда ты уже не ты.

И ты не успел выйти. Выйти из себя в смерть, пока ты был еще ты.

Зимой я шла по Парижу и набрела на русский книжный магазин. Я не знала, что он существует, я просто увидела кириллицу и слова поддержки Украине. Я захотела остаться там навсегда. Ему уже 50 лет. 67 Boulevard Beaumarchais. И там был этот шкаф. Это кладбище невинных. Этот шкаф, где они все. Шкаф с поэзией. Да, я забыла сказать, это не обычный русский книжный, это русский книжный, где продаются переводы русских книг на французский. Этот шкаф. Там они все. И замученный Осип, и замученный Александр, и замученный Даниил, и Владимир, который покончил с собой от разочарования во всем этом или его убили, и Сергей, который покончил с собой или его убили, и Марина, которая покончила с собой... Boris, Alexandre, Alexandre, Anna, Andreï, Michail, Nikolaï, Vélimir...

Кладбище невинных. Да. Да. Да.

И я стояла перед этим шкафом, и у меня текли слезы. Потому что это была она. Моя душа. Мой мир. Вот она. Я могла ее вот так вот двумя руками обнять.

И я клянусь вам, именно в этот день утром моя бабушка написала мне следующее (screenshot):

кому: мне ▾

ESTER BOL—звучит как засов в тюремной камере. Впрочем — это дело вкуса. Насчет дополнительного ГЛАЗА, рисуй не рисуй не поможет, если только на попе попробовать? Требовательная твоя тусовка, Российская была понежней да и пощедрей . Теперь-то я точно установила, как оплачивалось каждое слово против России , кто были твои заказчики , дело было не в таланте , а в твоём тщеславии. Купила мнимую известность , но предать нужно было всех. В России тебя уже **забыли** , а там , где ты сейчас, таких просто используют и презирают. Знаю, ты жива. Я, пока, тоже.

С уважением , А.И.Волошина.

В этот же день. Правда. Правда.

I guess that day she found on Internet my photo with a crying eye above the temple, signed by my new name Esther.

И я стояла и смотрела на этот шкаф. И меня вежливо обходили французы, потому что я смотрела и плакала. Их всех убила Россия и/или замучила. Но "используют и презирают" "там, где я сейчас". Там, где мне дали пристанище, там, где меня (ассерт) принимают. Принимают так, как на родине не принимали никогда. Там, где на меня смотрят вот такими глазами. Вот такими глазами, как вы сейчас. Вы знаете это выражение "выносить родину на подошвах"? Это про тех, кто действительно вынес её. Это про тех, чьи имена на корешках этих книг на французском. Я обнимаю их. Я обнимаю их. Этот шкаф. Я бы стала перед ним на колени.

Понимаете, это всё простые слова. Это даже огрубление во многом. Я никогда не позволяла себе простых слов и прямых высказываний. А теперь позволяю.

Этот текст правда написан где-то на барьере между жить и умереть. Правда, я не шучу, правда. Мои сложности частные, но глобально - это свидетельство того, каково это, каково это, каково это.

Это уже не я. Это уже не я. It's not me anymore but I wonder if I will be able to become someone else. Esther?

Блин, простите, я резко теряю равновесие в асане. Теряю баланс. Here I am.

Мы любим слишком много убитых и замученных людей, понимаете. Слишком много людей, которых любим мы, убиты и замучены. Сердце России тюрьма.

Я вспоминаю рассказ одного из украинских военнопленных про то, как давали пить. Чтоб попить нужно было поднести ладони к окошку в двери. И через дверь в ладони тебе нальют кипятка. А чтобы поесть - горячего супа в ладони. Эта еда называется ба-ланда, тюремная еда. Их морят там голодом и над ними издеваются всеми, всеми, всеми всеми способами, которыми можно издеваться. Один из обмененных украин-ских пленных, профессиональный спортсмен, в интервью говорил, что съел однажды крысу, чтобы выжить. Долго-долго выслеживал, поймал и съел. "Крыса маленькая бежала. Я бросился на нее. Но россияне услышали движение и пошли ко мне. Я слышу, что они уже подходят, бросаю эту крысу в рот. Когда открыли карцер, я стоял с крысой во рту. Она начала у меня вертеться прямо во рту. Из крысы пошла кровь. Россияне увидели, подумали, что отбили мне почки, и завели назад. Шкура, кишки крысы, я даже кости жевал. Зубы только выплюнул. Но сытости не было".

Крыса во рту, крыса во рту, крыса во рту. Простите, что я рассказываю вам всё это.

На самом деле, ничего этого я не говорю. Это же не стендап-драма, это час правды. Я стою в асане, я интенсивно проживаю момент.

Так как мне трудно контролировать все эти потоки мыслей, иногда просачиваются очень тривиальные. Вроде того, где мне жить в сентябре. Тело - это, кроме того, ужасно неудобно в эмиграции. Ему каждую ночь надо где-то спать. Ему нужно покупать билеты на транспорт, не говоря о еде. Заболеет - вообще пиздец. Без страховки. Ты как будто возишь свое тело по Земле. Как чемодан. Тело. Негабаритный багаж. Неисчерпаемый источник возможности пытки. Потенциал бесконечного издеватель-ства над тобой. Это именно то, что они могут заключить в тюрьму: твое тело. Они мо-гут превратить время в бесконечность, бесконечно пытая его. Твое тело. Насколько бесконечно насиловали ту заложницу, тело которой нашли со сломанным от изнаси-лования позвоночником? Насколько бесконечно пытали их всех? Всех-всех-всех-всех, кого пытали. Тело - это то, что можно истязать. Тело - это беда. Это уязвимость. Это опасность. Когда берут в заложники - берут в заложники тело. Когда разрезают по кускам... Когда куски отрезают...

Я довольно часто думаю про Шани Лук. Это будет сложный фрагмент. Я знаю, что вы испытываете вину перед всеми, кому хуже. Так вот, I feel embarrassed, но я вам скажу: не надо. You shouldn't. Nie trzeba. Il ne faut pas. Nicht nötig. И так далее. Шани

Лук. Вы помните? Это девушка сказочной красоты, убитая 7 октября, чье тело везли на грузовичке, как трофеем с переломанными ногами. Помните? На нем еще сидел террорист. Брюнетка сказочной красоты. Гражданка Германии. Мне странно, что мне приходится уточнять.

Когда я увидела эти два фото в первый раз - её живую и её мертвую - я подумала, что мир никогда не забудет её лицо. Что её лицо станет иконой. Но случилось другое. Фотограф, который снял её тело, один из фотографов, который пришел на этот фестиваль 7 октября вместе с боевиками Хамас, фотограф, который снял её тело с переломанными ногами с террористом на нем, получил престижную международную премию.

Again: I admire you seeing Other.

You are so good in seeing Other, но вы so bad в том, чтобы разглядеть, что Другой может быть Другим по-настоящему. Другим в том смысле, что Другим, мечтающим вас убить.

Лицо запитанной Шани Лук не стало иконой не потому что она гражданка Германии? А защищать принято слабых и угнетенных? А гражданка Германии - это привилегированный человек. Она не Другой, она такая, поэтому ей неловко сочувствовать? Даже если с ней делали и сделали то, то, что с ней делали и сделали.

Я надеюсь, что у вас всё будет хорошо.

Простите. Простите. Я молчу.

Я надеюсь, Тед, Элинита, Люк, Камилла, Барбара, что у ваших детей всё будет хорошо.

Чтоб у них всё было хорошо, в особенности нужно реанимировать заводы оружия, вообще производство оружия.

Простите. Простите.

Чтоб стать настолько сильным, чтоб никто не напал, а не настолько слабым.

Как пытается быть Израиль.

Как пытается стать Украина, у которой забрали ядерное оружие 30 лет назад и теперь дискутируют каждый квант помощи в парламентах, пока россия убивает её людей и её землю.

Простите.

Простите.

Кстати, вы знаете, что россия спонсирует и крайне правые, и крайне левые партии на Западе? Им всё равно, лишь бы хуже.

Простите.

Я молчу. Я молчу. Дышу. Дышу.

Я бы сделала пранояму. Мне помогает пранояма. Но здесь зловонье. Здесь воздух очень плохой. То есть - опять-таки, не здесь. Я в красивой комнате, в красивом здании, в красивой местности, в красивой стране, на красивой планете, в красивом космосе. В моей голове карцер, который можно загуглить по запросу punishment cell russia, - там зловонье.

По запросу punishment cell russia.

По запросу cellule disciplinaire russie.

По запросу cela de punição na rússia.

По запросу komórka karna w rosji.

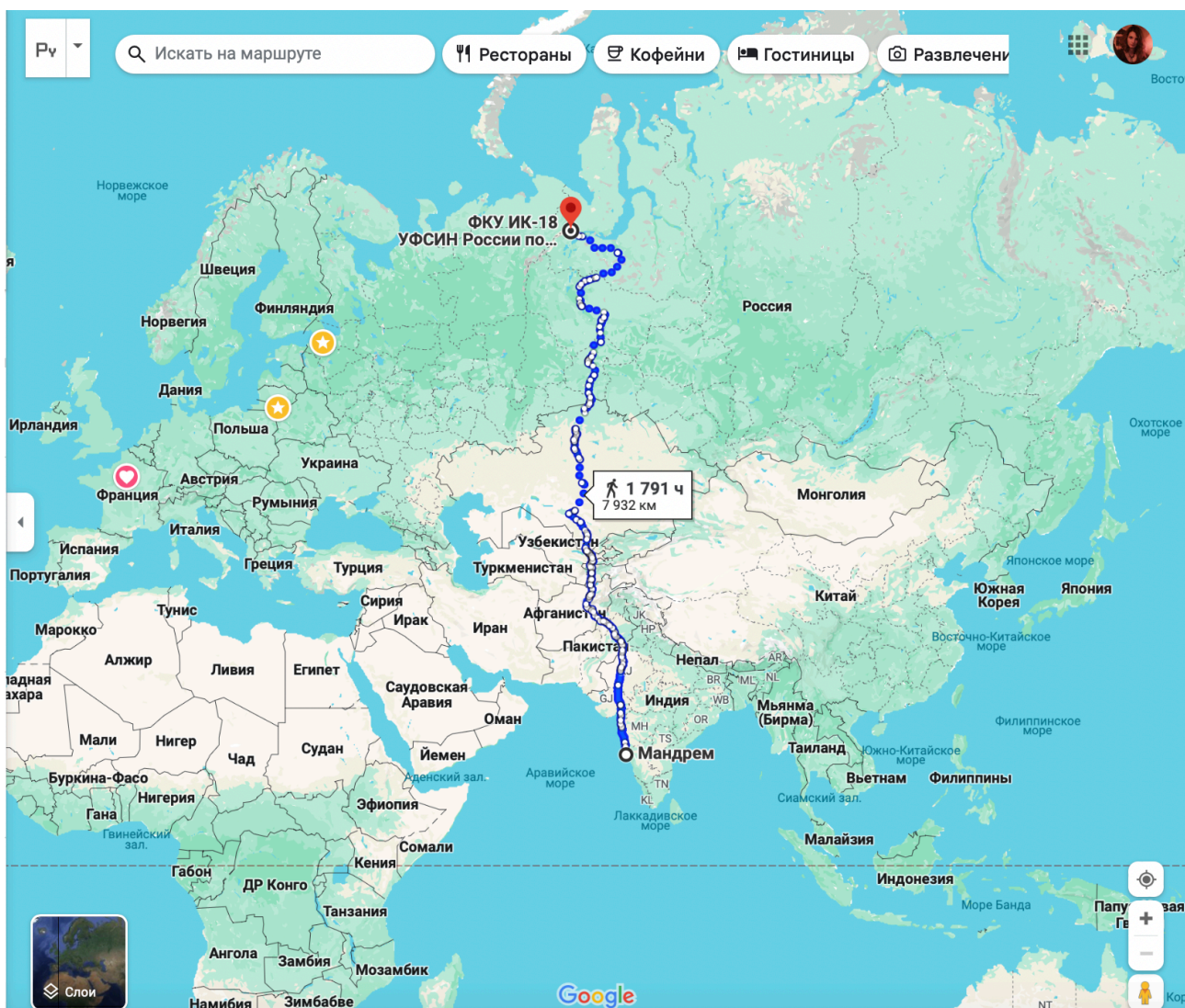

По запросу strafzelle russland.

В моей голове карцер, и в нем зловонье. И там бы сделать пранояму нормально я б не смогла.

Дважды в жизни я была вестником смерти. О первом случае рассказано в пьесе "Мама". Второй раз был очень простой. Когда я сказала друзьям: "Они пишут, что он умер". Они сразу поняли, кто. Тогда я ещё думскролила ленту без конца. Я была в Индии. Так дешевле. То есть дешевле один раз долететь, и потом 2 месяца снимать с друзьями угол в Нижнем Мандреме, а не в Европе. Моя жизнь - жизнь мечты. Я все еще могу заработать на билет в Индию. И, заметьте, не проституцией. Ует. Потом мы вместе втроем плакали. А до этого я плакала больше одна. Каждое утро я плакала по Украине. Начинала с этого день. Сейчас я уже почти полгода каждое утро не плачу. Может быть, я poprostu умерла?

И потом мне пришла в голову странная мысль. Мне пришла в голову мысль посмотреть на карте, где это. Где это вообще эта тюрьма. Эта тюрьма, где лежит сейчас его тело. Где они долго-долго пытали и после убили его. И я загуглила. И оказалось.... Оказалось, что это ровно над нами. То есть точь-в-точь. То есть мы в Нижнем Мандреме, а ровно над нами в 7932 километрах пути, в 1791 часе пешком судя по картам гугла лежит его тело. За полярным кругом - далеко-далеко. На красивой-красивой планете. За полярным кругом, в точности in the middle of nowhere.

.....Мне сложно объяснить, что почувствовали такие как я, когда узнали, что они убили его. Я не то что б разделяла его взгляды. Он боролся с коррупцией в России, а я думаю, что коррупция в России это то, что спасло этот мир. Если б они без конца на каждом шагу не воровали и не врили, то российские войска, может быть, и правда были б уже на границе с Польшей. Как они видят в своих влажных снах. А то и на границах с Германией. Вопреки всему героизму украинцев и Украины. Которая спасает всех вас от нас. И это нельзя забывать никогда - вот что самое важное.

Но как человек Алексей был как Христос. Он воскресал, он жертвовал собой, он претерпевал муки. Он был храбрее всех и прекрасней всех. И три года, пока он был в тюрьме, мы все каждый день чувствовали телом, что он в тюрьме. Увы, с конкретным человеком идентифицироваться легче, чем с 10 тысячами. Особенно с героем. Понимаете?

.....В Иране гораздо хуже наверняка. Представляете, если бы Дорна написала пьесу про иранских поэтов убитых, замученных, про политзаключенных, героев и всех. И мы бы все такие: кто все эти люди?

А я позволяю себе.

Но еще я почувствовала облегчение. Что его больше никто не сможет пытать. А еще я почувствовала боль. Что все плачут из-за него, мои самые близкие друзья у compris, но даже мои самые близкие друзья уже не плачут из-за Украины. Я почувствовала неиссякаемое одиночество. И я перестала плакать каждое утро, едва открою глаза. Повторяю: может быть, умерла я.

I'm ok with *to die*. Накануне войны я действительно могла умереть, абсолютно спокойно и классно в полной уверенности, что я сделала всё, а дальше время сделает свое дело, и мои тексты просто будут жить. Если окажется, что они этого заслуживают. Знаете, в последние пару лет монологи из моих пьес читали даже абитуриенты при поступлении в театральные ВУЗы, и круче этого я не знаю что может быть. Сейчас наши имена там стерты и подвергнуты проклятьям, и примерно 50 на 50 забудут наши тексты или вспомнят, когда спустя сколько-то лет в России настанет новый краткий ренессанс свободы. I'm ok with it or almost. Но о России я всё что могла написала. А чтобы писать о не-России, надо переродиться. А на это надо сто-ooоолько сил.

Soooooooooooooooooooooooooooooo much. Что иногда я думаю, что проще умереть. А в тюрьме - понимаете, как они делают. Они всегда могут за вас добавить срок, когда вы уже в тюрьме. Осудить еще за что-нибудь. Найти какой-нибудь ваш старый пост в фэйсбук и "припаять" вам ещё статью и по ней еще столько-то. Представьте, вам остается два, а они добавляют пять. Поэтому, вы лишаетесь чувства, что знаете, когда выйдете. Нет смысла чертить и перечеркивать палочки на стене. Вообще не остаётся никакого смысла. Ваше тело в руках у них. И как же хочется сказать: хуй им!

Я очень много думаю о том, насколько трудно в тюрьме умереть. Насколько выход из жизни связан со страданиями. Выход из тела тюрьмы. Выход из тюрьмы тела.

Я не знаю, для чего я живу. Это правда. Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?

Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?

Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?

Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?

Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?

Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?

Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?
Чтобы повторять, что Украина защищает всех нас?

От России.

Кстати, по-русски это название "Мой час" имеет отчетливое второе значение. Говорят "пробил мой час", когда хотят сказать, что человеку пора умереть. Пробил его час. Не уверена, что перевод удачный. Имеется в виду: пробиты на башне часы. Так вот. Мой час.

В финале часа самое классное было б, конечно, умереть. Нет, я не хочу косплеить Сару. Но я... я в самом деле ощущаю себя в себе так, что умереть было бы наилучшим. Безболно и безобидно умереть. Депортировать себя из своего тела вникуда. Может быть, кому-то отдать свое тело? Никто не хочет пожить вместо меня в нем? В нем неплохо. Оно почти умеет почти все три шпагата, умеет божественно кончать, грудь пока совершенно не обвисла. Три татуировки, одна кириллицей. Правда рот не говорит нормально ни на каком из языков, но это ж потому что я живу в нем. С вами будет по-другому. В моем теле очень неплохо, если вы не я.
Конец шутки.

Умереть в тюрьме - повторяю - ужасно сложно. Я очень часто думаю, насколько же сложно умереть в тюрьме. Есть легенда, что один великий русский режиссер, не умер от сердечного приступа, а покончил с собой. Он просто выпил у себя в кабинете тогда очень крепкий кофе и сделал очень сложную асану. Предположительно стал на голову. И долго стоял. Долго-долго-долго. А у него было больное сердце. Я не исключаяю, что версия абсолютная ложь. Но мне часто приходит это на ум, когда я думаю об элегантных способах of passing. Of passing away.
Но это надо кофе. И больное сердце. А где взять то и другое в тюрьме? Нормальный панчлайн, Дэвис?

Да, умереть до войны - это было бы лакшери. До. До Бородянки, Гостомеля, Краматорска, до Винницы, до Херсона, до Марьинки, Одессы, Часова Яра, до Бахмута, до Чернигова, до Харькова, до Харькова, до Харькова, до Харькова, до Запорожья. До Запорожской ГЭС, до Мариуполя, господи. До Лисичанска. До Северодонецка. До Рубежного. До Кривого Рога. До Умани. До Ирпеня. До Бучи. До Киева. До Киева. До Киева.

Так вот. Мой час. Мой час.

Мой час. Окей. Я встаю на голову. Ведь у нас еще минут 10 есть до конца часа? Я долго, изнурительно долго стою на голове. Вдруг сработает? Слежу за тем, чтоб плечевые кости были вправлены в суставы, это скучное зрелище, но я стою на голове. Рольф, ты бы хорошо смотрелся в фильме Тарковского. Я стою на голове. Камила, удивительно, как ты умеешь работать со своей ослепительной красотой. Как ты умеешь сделать, что мы видим не твою ослепительную красоту, а тебя. Барбара, я не буду говорить, что ты ничего не могла сделать. Ты могла сделать многое и ты сделала всё. Твой папа должен быть счастлив, что у него такая дочь. Александр, ты блестящий, конечно. Тэд, было трудно не влюбиться в тебя. Но я смогла. Почти. Эленита, было славно тебя встречать у холодильника с алкоголем по вечерам. Шучу - твой перформанс amazing. Твой ring-pong мячик во рту - это exactly то что я чувствую. Я стою на голове. Кристоф, chapeau! Chapeau! Дэвис, ты это всё равно не прочитаешь. Якоб, подумай над тем, чтоб сыграть Костю Треплева, неожиданно, но тебе может пойти. Вера, ты космически добрая. Unbelievable. И красивая, и мудрая. Стефани, вообще-то твое обнаженное тело в лесу - это одна из самых красивых вещей, которые я видела в жизни. Катарина, как, как как, как, можно быть настолько смешной и настолько трагичной. Я стою на голове. Лин, твой час был просто как неснятый фильм Ханнеке. Майк, ну нельзя же быть настолько крутым! Зое, это не Шекспир. Люк, спасибо вам.

Спасибо. В том числе и за то, что я написала этот текст. Но и за много большее. Спасибо всем за то, что дочитали. Маша... Маша, выздоравливай. Выздоровливай и блистай.

Конечно, я не умру. Я говорю это, стоя на голове, лицо некрасиво красное. Я говорю слова: "конечно, я не умру". Я теряю равновесие и падаю на зловонный пол. Я поднимаю руку. Она вся в зловонной слизи. В плевках уголовников и в крысином дерьме. Господи, какое же дерьмо еда в карцере. Макароны, плавающие в масле, селедка, перемолотая с костями и чешуей. Как же хочется есть! Как же бесконечно давно хочется есть. Шебуршение. Шебуршение за унитазом. Крыса! Как же я долго подстерегала ее. Сейчас! Она нужна мне, чтобы выжить. Это мой час. Это твой час, крыса! Крыса, пробил твой час. Я замираю на миг и бросаюсь к дыре за унитазом. Стефани, ты хотела увидеть волков? Поймана. Сжимаю ее руками, обожженными кипятком и раскаленным супом. Сука, я тебе покажу, как царапаться у меня во рту. Крыса! Крыса! Крыса!

Нет.

Нет. Нет я не так люблю жизнь, как профессиональный спортсмен, - украинский военнопленный Алексей. У меня не получается проглотить её. У меня не получается проглотить эту крысу. Эту крысу, эту крысу, это крысу, эти грамм 300 белка.

Я не выдерживаю. Я блюю.

Я стою перед вами и говорю вам: "Я блюю в жестяной таз". Я блюю этой крысой, я блюю этой крысой, я блюю этой крысой, я блюю этой крысой. Я блюю этой родиной. Я блюю невозможностью говорить, говорить нормально на чужих языках, которые я бесконечно учу безуспешно. Ненавистью к своему рту, к своей черепной коробке, в которой как будто все время какой-то туман. Я блюю своим ртом, своим ртом. Можно было б продолжить. Статусом жертвы? Сборами в эмиграцию за полчаса? Нет, если честно, cela serait нечестно. Я блюю своим папой-убийцей? Нет. Не то. Всё не то. Я блюю рабами, веками, веками, веками рабов. Веками! Да что там. Я блюю собой. Я блюю собой. Собой.

Это блевание Мёбиуса.

Нет, конечно, это метафора.

Я всё ещё просто лежу на полу.

В красивой комнате, в красивом здании, в красивой местности, в красивой стране, на красивой планете, в красивом космосе. Я лежу на полу. Дышу. За окном поют птицы, в роще ходят олени. Глыба льда растаяла. Я тоже хотела б растаять как глыба льда. Таянье - это тоже побег. Пора. Вы смотрите на меня добрыми, красивыми, сочувственными глазами. Мне пора рассказать вам, как однажды я убежала из тюрьмы, как и обещала. Это было в 2018 году. Я встаю, я стою перед вами. Глыба льда растаяла. Я зачерпываю в ладони талой воды. Обжигает руки. Приятно. Я умываюсь талой водой. Всё просто. Когда папа сидел в тюрьме, я с бабушкой ездила к нему на долгосрочные свидания. Это описано в пьесе "Дания тюрьма". Тюрьма находится в окрестностях города Моршанска. Бабушка с самого начала мне сказала, что долгосрочные

свидания - три дня. На три дня ты заперт в тюремной гостинице на пять комнат, пять заключенных. Один из них - твой. Комната на троих метров 12. И три дня в этой комнате я с бабушкой и папой, который в Берлин на танке хотел уже тогда. Так вот. Во время последнего свидания (на исходе папиного срока) я узнала, что бабушка меня обманула. Что можно и на сутки (всё это время можно было), что три - это просто максимальный срок. Это выяснилось, когда мы были уже там. И почему-то - я не знаю почему - этот обман так возмутил меня, что я сказала им: я выхожу. Мне сложно объяснить всю гамму чувств - не хватит часа. Mais j'en avais marre - по-настоящему! Я просто поняла, что хватит, я выхожу. Меня трясло физически очень крупной дрожью от этого обмана, от этой жизни, от этой тюрьмы. И я просто подошла к решетке и сказала, чтоб меня выпустили. Мне кажется, так не делал никто. Охранница сказала, что это невозможно, надо ждать 2 дня, сегодня суббота, у начальника тюрьмы выходной. Чтобы меня выпустили, надо писать заявление на имя начальника тюрьмы. И вообще так никто не делает. И тогда я села на пол и сказала, что умру здесь и сейчас. Охранница стояла по одну руку от меня, а по другую стоял мой папа. Кажется, ему было запрещено входить в ту зону, что вплотную у решетки. Что у решетки на волю. Я не помню, сколько это длилось. Может быть, час. Я была уверена, что выполню свою угрозу, если меня не выпустят. Что умру. И тогда они решили меня отпустить. Они как-то звонили кому-то, что-то согласовывали.... Я не помню. Поймите, это тюрьма. Тюремная гостиница - это дом, пристроенный к стене тюрьмы. Заключенные входят туда из тюрьмы, а ты с воли. Тебя обыскивают перед тем, как ты тудаходишь, обыскивают, раздевая догола, у тебя забирают телефон, деньги, колющие-режущие предметы... Ты не узник, ты гость там. Ты гость там, но это тюрьма. Это тюрьма, из которой меня каким-то чудом выпустили. Мне отдали мои вещи, отдали разряженный телефон. Я не помню, как я просталась с папой и бабушкой. Я не помню, что им говорила, что они говорили мне, как они это приняли, видимо, мне было в тот момент похую. За мной закрылась дверь. Одна дверь, другая дверь, третья дверь. Я оказалась на свободе. Тюрьма за спиной. Я вышла из тюрьмы. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох. Here I am. Я хочу разделить с вами это чувство. Как тюрьма остается за спиной. Я скажу очень простыми словами. Тюрьма за спиной. Here I am. Я перешагиваю через веревочку. Одной ногой и другой ногой. Тюрьма за спиной. Я стою с разряженным телефоном посреди поля. Here I am. Тюрьма за спиной. Я определяю, в какой стороне город. Тюрьма за спиной. Я иду через поле. Это чувство. Это чувство. Да, пусть от этого часа останется это чувство - у меня и у вас. Тюрьма за спиной. Here, here, here. Господи, как я хотела бы, чтоб это было правдой. Научиться этому, запомнить, всем телом запомнить. Что тюрьма за спиной, что тюрьма за спиной, что тюрьма за спиной. Это чувство: тюрьма за спиной. Это чувство.

Эта

тюрьма
за спиной.

Here we are.

Как же хочется этого.

Всё.

Пока всё.

Июль 2024